Х.-К. АНДЕРСЕН
СНЕЖНАЯ
КОРОЛЕВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ·ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА·



Х.-К. АНДЕРСЕН



СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

РИСУНКИ А. АРХИПОВОЙ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

И (Дат)
А65



А $\frac{4803020000-055}{М101(03)86}$ 485—86

Рисунки.
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.



ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнём. Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь.

Так вот, жил-был на свете злой-презлой тролль, настоящий дьявол. Он всегда рад был причинить кому-нибудь неприятность. Однажды он был в особенно хорошем расположении духа: ему удалось смастерить такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось до того, что его и разглядеть было невозможно, а всё негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и становилось ещё хуже. Прекраснейшие леса и поля, отражаясь в этом зеркале, казались варёным шпинатом, а красивейшие из людей — отвратительными уродами: голова у них была там, где должны быть ноги, ноги — там, где голова, а туловища совсем не было. А если у кого-нибудь на щеке или на носу была веснушка или родинка, она расплывалась по всему лицу, так что лица и вовсе нельзя было узнать.

Это очень забавляло тролля, и он не мог нарадоваться своей выдумке.

Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале, словно о каком-то чуде.

— Вот теперь,— говорили они,— можно увидеть наконец весь мир и людей в настоящем свете.

И они принялись шнырять со своим зеркалом по всей земле. Скоро не осталось ни одной страны, где бы они не побывали, ни одного человека, на которого бы они не навели своё кривое зеркало. Напоследок захотелось им добраться до самого неба.

Всё выше и выше, всё ближе и ближе к солнцу летели они, и зеркало у них в руках кривилось и корчилось всё больше и больше. И вдруг оно до того перекосилось, что вырвалось у них из рук и, рухнув на землю, разбилось вдребезги.

Но ничего хорошего из этого не получилось. Миллионы, биллионы, триллионы осколков натворили на земле еще больше бед, чем само зеркало.

Мельчайшие осколки, не крупнее песчинки или даже ещё меньше, разлетелись по всему свету. Они попадали людям в глаза да так и оставались там. Но это бы ещё ничего. Гораздо хуже было то, что человек с таким осколком в глазу начинал всё видеть вверх ногами, шиворот-навыворот, вкривь и вкось, в хорошем видел плохое, а плохого не отличал от хорошего, потому что каждый осколок кривого зеркала так же искажает то, что в нём отражается, как и всё зеркало. Иной раз осколок попадал человеку прямо в сердце, и это было страшнее всего: сердце превращалось от этого в кусок льда.

Были осколки и побольше, они вполне годились для очков. Но в этих очках люди видели не лучше, а хуже: ясное казалось в них мутным, а прямое — кривым.

Были совсем большие осколки — их даже можно было вставлять в оконные рамы. Но уж в эти окна не стоило смотреть на белый свет, на свою улицу, на добрых друзей: всё равно ничего хорошего не увидишь!

Злой тролль от удовольствия потирал руки и хохотал до колик, словно его щекотали.

А по ветру носилось ещё многое множество осколков разбитого зеркала.

Послушаем же, что случилось.



ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов, а в домах столько людей, что далеко не каждому удаётся отгородить себе даже самый маленький клочок земли для садика, и где поэтому большинство жителей довольствуется только комнатными цветами в горшках, жили двое детей.

Они были очень бедны, но всё-таки у них был садик, правда, только чуточку побольше цветочного горшка.

Мальчик и девочка любили друг дружку, как брат и сестра, хотя они вовсе не были ни родные, ни двоюродные, а просто соседи.

Родители их жили бок о бок, на чердаках двух домов, которые стояли так близко, что крыши их почти сходились и окошко глядело в окошко. Под окнами, вдоль стен обоих домов, тянулся водосточный жёлоб, и стоило только перешагнуть с одного жёлоба на другой, как вы оказывались в гостях у соседей.

У каждой семьи было по большому деревянному ящику, в котором росли овощи и небольшие кусты роз. Весной и летом кусты эти покрывались чудесными цветами.

Однажды кому-то из старших пришло в голову поставить ящики поперёк желобов, и вот словно две цветущие грядки протянулись из окон от одного дома к другому. Горох спускался из ящика зелёными гирляндами, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями, а мальчик и девочка ходили друг к другу в гости по крыше и сидели на скамеечке под розами. И как же весело они здесь играли!

А зимою эти игры кончались. На крышу уже нельзя было выбраться. Окна замерзали. Но дети нагревали на печке медные монетки, прикладывали их к замёрзшим стёклам, и сейчас же оттаивало чудесное крошечное окошко, круглое-круглое, а в окошечко смотрел чей-то смеющийся глазок. Это глядели, каждый в своё окошечко, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они могли одним прыжком очутиться в гостях друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься во двор вниз по лестнице, на которой было много-много ступенек, и потом по другой лестнице подняться на столько же ступенек вверх.

А на дворе в это время дул ветер и кружились лёгкие снежинки.

— Это роятся белые пчёлки,— говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал Кай. Он знал, что у настоящих пчёл есть королева.

— А как же! — отвечала бабушка.— Только её трудно разглядеть: она всегда в самой гуще снежного роя. Снежинки так и вьются



вокруг неё, а она летает, пляшет, скользит, будто хочет спуститься на землю, но никогда не спускается. Покружится, покружится и улетит неизвестно куда на чёрном облаке. По ночам она часто пролетает по городским улицам и заглядывает в окна. Вот оттого-то стёкла и покрываются ледяными узорами, словно цветами. Видели небось, какие цветы расцвели у нас нынче на окне?

— Да, да, видели, видели! — кричали дети наперебой и верили, что всё это сущая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда, к нам? — спросила однажды Герда.

— Пусть только попробует! — сказал Кай.— Я посажу её на тёплую печку, и она сразу растает.

Бабушка погладила его по голове и завела разговор о чём-то другом.

Вечером, перед самым сном, Кай захотел ещё раз взглянуть на снежную улицу. Он вскарабкался на стул и приник лицом к маленькому «окошечку» в стекле — там, где лёд немного оттаял.

За окном кружились белые снежинки. Одна снежинка упала на край цветочного ящика и на глазах у Кая стала быстро расти. Она росла, росла, и Кай вдруг увидел, что перед ним стоит ослепительная красавица. На голову и плечи её было накинуто покрывало, сотканное из миллионов сверкающих снежинок. Вся одежда её была из блестящего голубоватого льда. А глаза её сияли, как звёзды. До чего же она была хороша! Но каким холодным и тяжёлым был её взгляд!

Красавица кивнула Каю и поманила к себе.

Мальчик испугался. Он спрыгнул со стула и убежал в самый дальний угол комнаты.

А за окном мелькнуло что-то белое, словно взмахнула крыльями огромная птица, и всё исчезло.

На другой день был славный морозец. Потом началась оттепель, а там пришла и весна.

Солнышко светило так ярко, в цветочных ящиках зазеленели первые побеги, ласточки с весёлым щебетом вили под крышей гнездо. В домах открыли окна, и дети снова сидели в своём маленьком садике высоко над землёй.

В то лето розы цвели особенно пышно. Кай и Герда не могли наглядеться на них и всякий вечер, уходя спать, прощались с ними и целовали их, а утром радовались каждому вновь распустившемуся цветку.

Однажды под вечер они сидели вдвоём у себя в садике и рассматривали книжку с картинками. На картинках были нарисованы разные звери и птицы. Большие башенные часы пробили пять раз.

— Ай! — вдруг вскрикнул мальчик.— Что-то попало мне в глаз. И в сердце кольнуло!..



Девочка испугалась. Она ласково обвила его шею рукой и осторожно заглянула ему в глаза. Кай щурился, мигал, но соринки не было видно.

— Должно быть, сама вышла,— сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. Боль прошла, а соринка осталась,— и не только в глазу, но и в сердце. И это было не что иное, как два крошечных осколка кривого зеркала.

Бедный Кай! Он теперь видел всё вкривь и вкось, а его сердце должно превратиться в кусок льда!

Так оно и случилось.

Кай посмотрел на Герду и спросил:

— Ну, что ты плачешь! Ведь это мне было больно, а не тебе. И какая ты стала противная,— смотреть на тебя не хочется...

Он отвернулся и поглядел в другую сторону, на розы. Но и розы больше не нравились ему.

— Фу! — закричал он, вскакивая с места.— Какая гадость!.. Эту розу точит червяк! А та совсем кривая. Да посмотри же, Герда! Неужели ты не видишь, что за скверные колючки торчат из этих грязных ящиков!

Он толкнул ящик ногой и сломал две самые лучшие розы.

— Кай, что ты делаешь! — закричала Герда.

А он, увидев, как девочка огорчена, сломал ещё одну розу — просто ей назло,— перепрыгнул через жёлоб и, смеясь, убежал домой.

С тех пор каждый раз, когда Герда приносила ему книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши разве что для грудных детей, а когда бабушка начинала рассказывать сказку, он придирался ко всякому слову. И это ещё не всё! Он надевал её очки, ходил точь-в-точь как она, говорил её голосом и так ловко её передразнивал, что все невольно смеялись. Скоро Кай научился передразнивать всех соседей. Ему отлично удавалось выставлять напоказ их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана! Но лучше не попадаться ему на глаза!

Он высмеивал даже маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

А причиной всего были осколки зеркала, которые попали ему в глаз и в сердце.

Игры и забавы стали у него теперь совсем другие, мудрёные — не такие, как прежде.

Однажды зимою Кай и Герда вышли на улицу погулять. Падал лёгкий снежок. У Кая в руках было большое увеличительное стекло.

— Погляди-ка в стекло, Герда,— сказал он и подставил полу своей синей куртки, чтобы снег падал прямо на неё.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и напоминала то диковинный цветок, то десятиугольную звезду. В самом деле, это было очень красиво!

— Видишь, как искусно сделано,— сказал Кай.— Они гораздо лучше настоящих цветов. И какая точность! Ни одной неправильной линии. Ах, если б только они не таяли!

В тот же вечер Кай явился к Герде в больших рукавицах и с санками за спиной. Он крикнул ей в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками, а тебя я с собой не возьму!» — и убежал.

На площади собралось много детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к большим крестьянским саням и катили до самых городских ворот.

Ну и весело же было на площади! И вот в самый разгар катанья, неизвестно откуда, появились большие белые сани. Того, кто сидел в них, совсем нельзя было разглядеть — белая меховая шапка была надвинута до самых бровей, воротник белой меховой шубы поднят до самых глаз. Сани неторопливо объехали вокруг площади два раза. Кай привязал к ним свои санки, и вдруг большие сани понеслись быстрей ветра. Они свернули с площади в переулок, в другой, в третий...



Человек, сидевший в них, обернулся и дружески кивнул Каю, как знакомому.

Несколько раз пытался Кай отвязать свои санки, но стоило ему взяться за верёвку — человек в белой шубе кивал ему, и Кай ехал дальше.

Наконец они выехали за городские ворота. Снег вдруг повалил сплошными хлопьями, сразу стало так темно, что Кай не мог разглядеть своей протянутой руки. Он на ощупь распутал верёвку, которой были связаны сани, но его маленькие санки точно приросли к большим саням и вихрем неслись всё дальше и дальше.

Кай громко закричал, но ему никто не отозвался. Снег валил, санки мчались, то ныряя в сугробах, то прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, он хотел прочесть молитву, но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

А снежные хлопья всё росли и росли и обратились под конец в мохнатых белых кур. Вдруг все они разлетелись в разные стороны, большие сани остановились, и тот, кто сидел в них, встал во весь рост. Это была высокая, статная, величавая женщина в ослепительно белой шубе и шапке из чистого снега. Снежная королева!.. Кай сразу узнал её.

— Славно проехались! — сказала она.— Но, я вижу, ты совсем замёрз. Перелезай ко мне, я укрою тебя своей шубой.

И, посадив мальчика к себе в сани, она укутала его полой своей белой пушистой шубы. Ему показалось, что он провалился в снежный сугроб.

— Всё ещё холодно? — спросила Снежная королева и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда. Холод пробрал Кая насквозь, проник до самого сердца, а его сердце и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту мальчику казалось, что он умирает, но нет. Сердце его только на мгновение замерло, а потом Каю стало совсем хорошо, он даже перестал чувствовать мороз.

— Мои санки! Где мои санки? — спохватился он прежде всего.

— Вот они! — сказала королева.

Санки были привязаны к спине одной из белых куриц, которая летела следом за большими санями.

А Снежная королева поцеловала Кая ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду тебя целовать,— сказала она,— от моего третьего поцелуя ты умрёшь.

Кай взглянул на неё. Она была так хороша! Ему уже не казалось, что она вся изо льда, как в тот вечер, когда он впервые увидел её за окном и она кивнула ему головой.

Он больше не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре правила



арифметики да ещё дроби; знает, сколько в каждой стране квадратных миль и сколько жителей. А Снежная королева слушала его и только улыбалась в ответ. И тогда он подумал, что, пожалуй, знает ещё совсем мало.

В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились на чёрное облако. Буря выла и стонала, словно пела старинные заунывные песни. Они летели над лесами и озёрами, над горами и морями, под ними дули холодные ветры, сверкал снег, носились с криком чёрные во́роны, а над ними сиял большой ясный месяц.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с Гердой, когда она узнала, что Кай не вернулся с площади домой? Она стала расспрашивать о своём друге всех и каждого. Но никто не знал, куда девался Кай, никто не мог ей ничего сказать о нём.

Мальчики говорили, что видели его в последний раз, когда он привязывал свои санки к большим великолепным саням, которые промчались через площадь, а потом свернули в переулок и выехали за городские ворота.

Много слёз пролили родные Кая, горько плакала о нём Герда.

Наконец все решили, что Кай умер, что он утонул в проруби, когда переезжал через реку.

Долго тянулись хмурые зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло из-за туч апрельское солнце.

— Кай умер и больше не вернётся,— сказала Герда, когда первый весенний луч заглянул к ней в комнату.

— Не верю,— ответил солнечный луч.

— Кай умер и больше не вернётся,— сказала она ласточкам.

— Не верим,— ответили они.

Наконец и сама Герда перестала этому верить.

«Надену-ка я свои новые красные башмачки. Ведь Кай ни разу не видел их,— подумала она однажды утром.— И пойду искать его».

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела новые красные башмачки и побежала за город, прямо к реке.

— Говорят, что ты взяла моего названого братца? — сказала Герда.— Правда ли это? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад.

Река ничего не ответила. Только волны покачивались и как будто кивали Герде пенистыми гребешками.

Девочка сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у неё было,— и бросила их в реку. Но они упали недалеко от берега,

и волны сейчас же вынесли их на сушу — словно река не хотела брать у Герды её новые красные башмачки, потому что не могла отдать ей Кая.

А Герда подумала, что надо было бросить башмачки подальше. Она прыгнула в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду.

Лодка не была привязана, но Герда заметила это только тогда, когда стала медленно отплывать от берега. Она хотела поскорее выпрыгнуть обратно на берег, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже была на середине реки и быстро неслась по течению. Герда очень испугалась, она стала плакать и звать на помощь, но никто, кроме воробьёв, не слышал её.

А воробьи не могли перенести её на сушу. Они только летели за ней вдоль берега и громко чирикали, словно хотели её утешить:

— Ничего! Ничего! Мы тут! Мы тут!

Лодку уносило всё дальше и дальше, а новые красные башмачки Герды плыли за своей хозяйкой, но никак не могли её догнать.

Герда сидела смирно, боясь пошевельнуться.



«Может быть, река несёт меня к моему дорогому Каю»,— подумала она и сразу повеселела.

Берега реки были очень красивы — цветущие луга, тенистые рощи... Но нигде ни живой души.

Наконец лодка приплыла к большому вишнёвому саду, в котором приютился домик с красными и синими стёклами в окнах и с крышей из соломы. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо.

Герда окликнула их — она приняла деревянных солдат за живых,— но они, понятно, не ответили ей. Лодка подплыла ещё ближе, чуть ли не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче.

На её крик из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, разрисованной чудесными цветами.

— Ах ты, бедная малютка,— сказала старушка.— Как же это ты решилась плыть одна по такой большой быстрой реке?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своей клюкой и подтянула к берегу.



Герда была рада-радёшенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдём, да расскажи мне, кто ты и как сюда попала,— сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, что случилось, а старушка только покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!»

— Скажите, а вы не видели Кая? — спросила Герда, кончив свой рассказ.

— Нет, он ещё не показывался тут,— ответила старуха,— но ты не горюй: рано или поздно ему не миновать моего домика, и мы его непременно увидим. А пока попробуй вишен да полюбуйся цветами, что растут у меня в саду: ни в одной книжке с картинками нет таких красивых цветов, да к тому же ещё они умеют говорить.

Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко, под самым потолком, и все из разноцветных — красных, голубых, жёлтых — стёклышек. От этого и свет в комнате был какой-то удивительный, словно над комнатой стояла радуга.

Старушка поставила на стол корзинку с чудесными вишнями. Герда могла есть их сколько душе угодно. А пока она ела, старушка расчёсывала ей золотым гребешком волосы.

— Давно мне хотелось иметь такую славную девочку. Вот увидишь, как ладно мы с тобой заживём! — приговаривала она, проводя гребешком по кудрям девочки.

И от каждого прикосновения гребешка Герда всё больше и больше забывала своего названого братца Кая.

Дело в том, что старушка умела колдовать. Она не была злой колдуньей и колдовала лишь изредка, для своего удовольствия. Вот и теперь она взялась за свой волшебный гребешок только потому, что ей очень захотелось оставить у себя Герду. Расчесав девочке волосы, она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те как стояли в полном цвету, так и ушли глубоко-глубоко в землю, даже следа от них не осталось. Старушка боялась, что, если Герда увидит розы, она вспомнит о доме и о своём названом братце да и убежит от неё.

Когда все розы были хорошо спрятаны, старушка повела девочку в свой цветник. У Герды глаза разбежались: тут были цветы всех стран и всех времён года. В целом мире не нашлось бы книжки с картинками ярче и красивее этого цветника. Герда прыгала от радости. Она играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постель с красными шёлковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились такие чудесные сны, каких не видит даже королева в день своей свадьбы.

На другой день старушка опять позволила Герде играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много дней. Герда знала каждый кустик, каждый цветочек в саду. И, хоть их было так много, что и не сосчитать, ей всё казалось, что какого-то недостаёт. Но какого же?

Однажды она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, разрисованную цветами. И самым красивым из них была всё-таки роза,— старушка забыла её стереть. Вот что значит рассеянность!

— А почему в саду нет роз? — воскликнула Герда и сейчас же побежала искать их. Она обегала все углы и закоулки сада — нигде ни одной розы!

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Горячие слёзы упали как раз на то место, где цвёл раньше один из розовых кустов. И чуть только слёзы проникли в глубь земли, оттуда поднялся на солнечный свет пышный розовый куст — такой же цветущий, как прежде.

Герда обняла его и принялась целовать каждый лепесток. И тут она вспомнила о тех чудесных розах, что цвели у неё дома, и о своём милом Кае.

— Что ж это я напрасно теряю время! — всполошилась Герда.—



Ведь мне надо искать Кая. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз.— Может быть, он умер?

— Он не умер,— прошелестели розы.— Мы были под землёй, где лежат все мёртвые, но Кая нет среди них.

— Спасибо вам,— сказала Герда.—Если он жив, я найду его.

И она бегом побежала прочь из волшебного сада. Калитка была закрыта на задвижку. Герда дёрнула ржавый засов, калитка распахнулась, и девочка, как была — босиком,— пустилась бежать по дороге. Несколько раз оборачивалась она назад и прислушивалась, нет ли погони, но никто не гнался за нею. Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: на дворе стояла поздняя осень. Герда только теперь это заметила. В чудесном саду старушки, где вечно сияло солнце и цвели цветы всех времён года, нельзя было догадаться, что лето уже прошло.

«Скорей, скорей в путь! — подумала Герда.— Я вышла из дому весной, а теперь уже осень на дворе. Нельзя больше терять ни минутки!..»

И она побежала так быстро, как только могла.

Ах, как болели её бедные усталые ножки! Как холодно, как сыро было в лесу и в поле! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями, и капли медленно — одна за другой — падали на землю. Листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими терпкими ягодами.

Каким серым, каким унылым казался весь мир!

ИСТОРИЯ ЧЕТВЁРТАЯ

Принц и принцесса

Герда долго бежала без отдыха. Наконец она опять присела отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Он то и дело посматривал на девочку, кивал ей головой и, наконец, сказал:

— Каррр-каррр! Здрравствуй!

Он не очень-то складно говорил по-человечьи, но, видимо желая девочке добра, дружелюбно спросил её, куда это она бредёт по белу свету одна-одинёшенька. Слова «одна-одинёшенька» Герда поняла отлично,— слишком хорошо она знала, что это значит. Девочка рассказала ворону всю свою жизнь и спросила, не видел ли он Кая.

— Очень верроятно, очень верроятно!

— Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила во́рона поцелуями.

— Осторрожней, осторрожней! — сказал ворон.— Да, я думаю, что видал твоего Кая. Но только он, верно, забыл тебя и живёт у своей принцессы.

— Разве он живёт у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай,— сказал ворон.— Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всём куда лучше.

— По-вороньи я совсем не понимаю,— сказала Герда.— Бабушка, та, наверно, понимает. А меня не учили.

— Ну ничего,— сказал ворон.— Расскажу, как сумею. Слушай! В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и уже позабыла всё, что прочла,— вот до чего она умная! Однажды она сидела на троне — а если верить людям, это не такое уж весёлое занятие — и напевала песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» И вдруг она подумала: «А ведь и в самом деле, отчего бы мне не выйти замуж?» Но в мужья она решила выбрать такого человека, который бы не только важничал и хвастался своей короной, но умел бы и поговорить. И вот барабанщики забили в барабаны, и всем придворным дамам была объявлена воля принцессы. Придворные дамы очень обрадовались и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами об этом думали!» Всё это истинная правда,— прибавил ворон.— У меня при дворе есть невеста — она ручная ворона,— от неё я и знаю эту историю. И вот на другой день все газеты вышли в рамочках из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности, желающий жениться на принцессе, может явиться во дворец и побеседовать с нею. Того, кто будет держаться свободно и непринуждённо и за словом в карман не полезет, принцесса возьмёт себе в мужья. Да, да! — сказал ворон.— Всё это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобой. На следующий день народ валом повалил во дворец. Давка была такая, что и рассказать нельзя. Но толку из всей этой суеты не вышло никакого — ни в первый день, ни во второй. На улице перед дворцом все женихи вели себя необыкновенно свободно и непринуждённо и болтали, как сороки. Но стоило им перешагнуть дворцовый порог и увидеть гвардию в серебре, а лакеев в золоте, стоило им войти в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подойдут к трону, где сидит принцесса, и слова сказать не смеют. Она что-нибудь спрашивает, а они и ответить не могут, только повторяют её последние слова. Ну, а ей это не по вкусу. Право, можно было подумать, что всех женихов опоили дурманом. И ведь обиднее всего то, что, едва они выходили из дворца, к ним снова возвращался дар речи. И так со всеми — от первого до последнего. А было их столько, что от дворцовых ворот до дверей тронной залы вытянулся длинный-предлинный хвост. Женихи стояли целый день, и никому во дворце не пришло в голову предложить им хотя бы глоток воды или кусочек хлеба. Кто был поумнее, принёс из дому бутерброды и жевал их всухомятку. Я сам там был и видел всё это собственными глазами.

— Ну, а что же Кай? — спросила Герда.— Он тоже приходил свататься?

— Постой, постой. Сейчас мы доберёмся и до него. На третий день во дворец явился какой-то человечек, ни в карете, ни верхом, а, как говорится, пешком с посошком, и прямо — без лишних слов — к принцессе. Глаза у него блестели, как у тебя, волосы были кудрявые, но одет он был небогато.

— Это Кай! Это Кай! — радостно воскликнула Герда.— Наконец-то я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка,— продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки,— сказала Герда.— Он ушёл из дому с санками.

— Вполне возможно, что это были санки,— согласился ворон.— Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста, придворная ворона, рассказывала мне, что когда этот молодчик вошёл во дворец и увидел у ворот гвардию в серебре, а на лестнице лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, а только покачал головой и сказал: «Ну и скучно же стоять тут на дворе да на лестнице, лучше я пойду прямо в комнаты». Все залы были



залиты светом; полы блестели, как зеркало; знатные вельможи расхаживали в одних чулках без сапог, разнося золотые блюда с угощениями,— уж торжественнее ничего и не придумаешь! А сапоги нашего молодца скрипели на весь дворец, но его это нисколько не смущало.

— Ну конечно, это был Кай! — воскликнула Герда.— Я знаю, что на нём были новые сапоги. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они таки порядком скрипели,— сказал ворон.— Но он смело подошёл к принцессе и поклонился ей так непринуждённо, что ему мог бы позавидовать любой вельможа. Принцесса сидела на жемчужине величиной с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы и кавалеры, горничные придворных дам, служанки горничных, камердинеры придворных кавалеров, слуги камердинеров и прислужники слуг камердинеров. Чем дальше от принцессы и чем ближе к двери стояли придворные и слуги придворных, тем важнее и надменнее они себя вели. На младшего прислужника слуги младшего камердинера самого младшего из придворных, который стоял на пороге тронной залы, нельзя было и взглянуть без дрожи — такой он был важный.



— Вот страшно-то! — прошептала Герда.— А Кай всё-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и обручён с вороной. Уж я-то не полезу за словом в карман. Но твой Кай может поспорить в красноречии даже со мной. Он сразу же пустился с принцессой в разговоры и говорил так же бойко, как я, когда говорю по-вороньи,— так, по крайней мере, сказала моя невеста ручная ворона. Держался он очень свободно и мило и заявил, что пришёл не свататься, а послушать умные речи принцессы. Ну и вот, он ей очень понравился, и она ему тоже.

— Да, да, это Кай! — сказала Герда.— Он ведь такой умный. Он знает все четыре правила арифметики, а с дробями обращается так же просто, как с целыми числами. Ах, проведи меня скорее во дворец!

— Легко сказать,— отвечал ворон,— да как это сделать? Постой, я поговорю с моей невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты, кажется, воображаешь, что тебя вот так прямо и пустят во дворец. Как же, не очень-то пускают туда девочек вроде тебя!

— Меня пустят! — сказала Герда.— Вот увидишь! Когда Кай услышит, что я здесь, он сейчас же прибежит за мной.

— Подожди меня тут у решётки,— сказал ворон, тряхнул головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и сразу закаркал:

— Каррр! Каррр! Моя невеста шлёт тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его на кухне — там их много, а ты, верно, проголодалась. Ну, а во дворец тебе не попасть: ты ведь босая,— гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь. Моя невеста кое-что придумала. Она знает, как пройти в спальню принцессы с чёрного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они пробрались в сад и, неслышно ступая, пошли по длинной аллее, усыпанной пожелтевшими осенними листьями. А когда все огоньки в дворцовых окнах погасли один за другим, ворон осторожно впустил девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

Ах, как сильно билось сердце у Герды от страха и нетерпения! Она шла затаив дыхание, будто затеяла какое-то дурное и опасное дело. А ведь она всего-навсего хотела узнать, не здесь ли её милый Кай? Да, да, он, наверно, здесь! Герда так и видела перед собой его ясные глаза, кудрявые волосы, весёлую улыбку... Таким он был, когда они сидели вместе под кустами роз... Как он, наверно, обрадуется её приходу, как будет расспрашивать обо всём, что было с ней в дороге и что делалось дома после его исчезновения!..

Они поднялись на площадку лестницы. На шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона и поглядывала по сторонам.

Герда поклонилась ей и низко присела, как учила её бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня,—



сказала ручная ворона.— Повесть вашей жизни, как принято выражаться, очень тронула меня. Не угодно ли вам взять лампу? Я пойду впереди и буду показывать дорогу. Вы можете не бояться, тут мы никого не встретим.

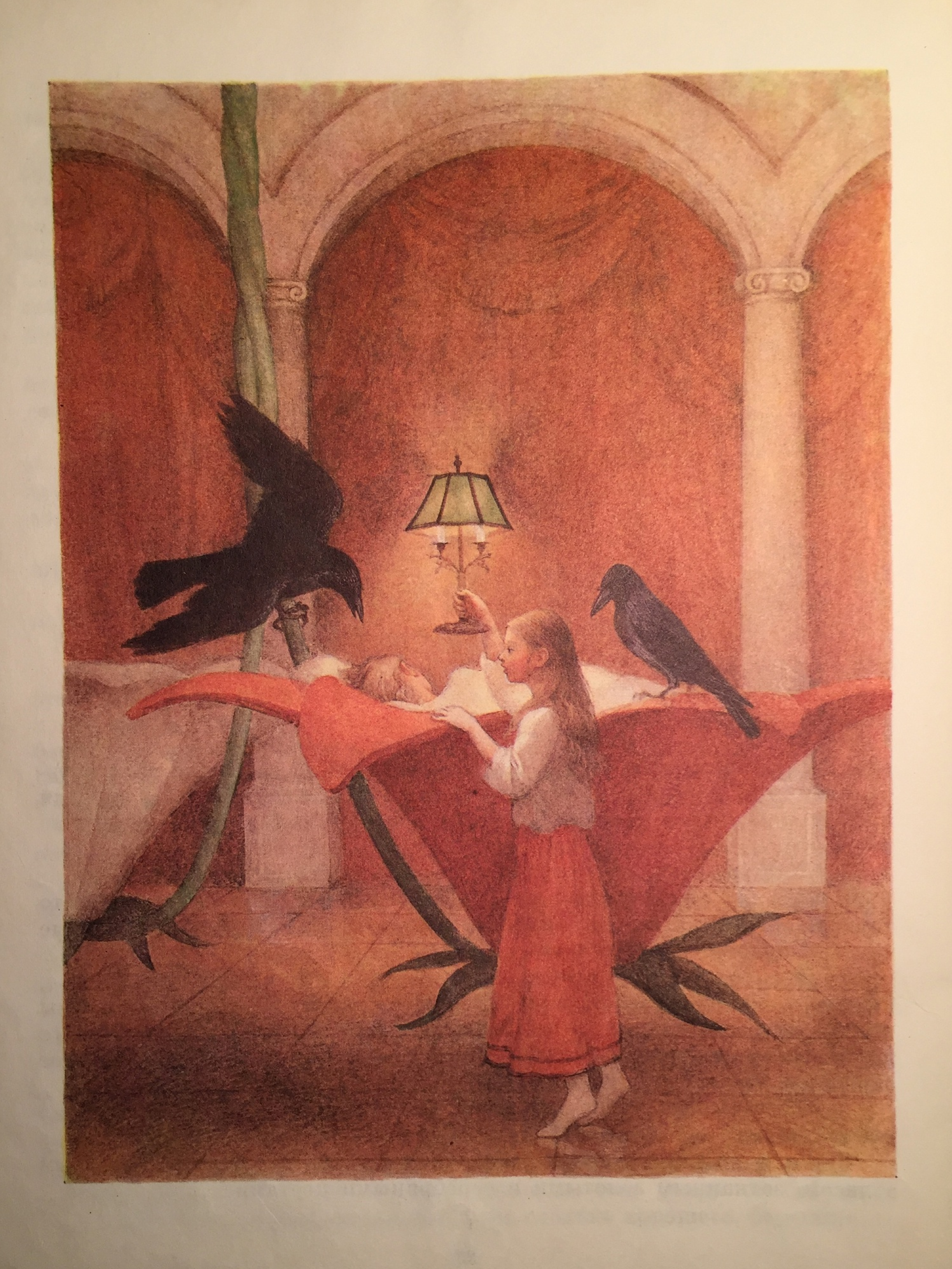
— Мне кажется, кто-то идёт за нами,— робко сказала Герда.

И в ту же минуту мимо неё с лёгким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами, охотники, трубящие в медные трубы, нарядные дамы и кавалеры.

— Это сны,— сказала ручная ворона.— Знатным особам при дворе, очевидно, снится охота. Что ж, пусть себе спят и охотятся во сне, а мы тем временем поглядим на них и узнаем, нет ли среди спящих вашего друга. Надеюсь, что в случае удачи вы докажете, что у вас благодарное сердце, и не забудете моей услуги.

— Об этом нечего и говорить! Само собой разумеется,—сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первую залу. Стены её были обтянуты розовым атласом, затканным золотыми и серебряными цветами.



Опять мимо Герды пронеслись сны, но так быстро, что она не успела рассмотреть всадников.

Залы были одна великолепнее другой, у Герды прямо глаза разбегались. Никогда, даже во сне, не видела она ничего подобного. Наконец они дошли до спальни принцессы. Потолок здесь был похож на вершину огромной пальмы, только листья были не настоящие, а из драгоценного хрусталя. Сверху спускался золотой стебель, а на стебле висели две огромные лилии — постели принца и принцессы. Одна лилия была красная, другая — белая. В белой спала принцесса, а в красной — принц. Герда осторожно отогнула один из красных лепестков и увидела тёмно-русый затылок. Ну конечно, это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь. Принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не он, не её милый Кай!

Тут из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю с самого начала. Не забыла она упомянуть и о во́роне с вороной, которые так много для неё сделали.

— Ах ты, бедняжка! Как нам жалко тебя! — в один голос воскликнули принц и принцесса.

Во́рона и ворону они похвалили, сказали, что ничуть не гневаются на них и хотели даже наградить их за доброту, если только они пообещают никогда больше так не поступать.

— Хотите занять должность придворных воро́н на полном довольствии из кухонных остатков? — спросила принцесса.— Или, может быть, хотите быть вольными птицами?

Ворон с вороной поклонились и сказали, что предпочитают должность при дворе.

— Что ни говори, а хорошо иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Так и было решено.

Потом принц встал и уступил свою постель Герде — больше он ничего не мог для неё сделать.

«Как они все добры ко мне!» — подумала Герда, закрыла глаза и сладко заснула. И сейчас же опять в спальню прилетели сны, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, он издали кивал Герде головой, как будто звал её. Увы, всё это было лишь во сне и сразу исчезло, чуть только Герда проснулась.

На другой день принцесса приказала одеть Герду с ног до головы в шёлк и бархат. Ей позволили остаться во дворце, сколько она пожелает. Кажется, чего уж лучше — живи себе при дворе без всяких забот и хлопот! Но она погостила всего только пять дней, а потом попросила, чтобы ей дали башмаки и повозку с лошадью: пора ей снова пуститься в путь разыскивать по белу свету названого братца Кая.

Ей дали башмаки, и муфту, и чудесную шубку. А когда она уже в сотый раз простилась со всеми, к воротам подъехала золотая карета с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы. У кучера и выездных слуг красовались на головах маленькие золотые короны. Карета была набита сахарными кренделями, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел отпраздновать свою свадьбу, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с ней — он считал невежливым поворачиваться спиной к лошадям. Ручная ворона взлетела на верхнюю перекладину ворот и махала им вслед крыльями. Она не могла поехать провожать Герду, потому что страдала головными болями. Это началось с тех пор, как она получила место при дворе и стала слишком много есть.

— Прощай, прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже.

Проехали три мили. Тут и лесной ворон простился с девочкой. Прощание было очень трогательное. Ворон взлетел на самое высокое дерево и махал чёрными крыльями до тех пор, пока золотая карета не скрылась из виду.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

Маленькая разбойница

Скоро Герда въехала в густой лес. В лесу было темно, но карета сияла, как солнце, и сама себе освещала путь. Не мудрено поэтому, что её сразу приметили разбойники. Глаза у них так и разгорелись.

— Золото! Золото! — кричали разбойники, налетая со всех сторон. Они схватили лошадей под уздцы, убили кучера и слуг и вытащили из кареты испуганную Герду.

— Ишь какая славненькая, жирненькая! Видно, орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жёсткой бородой и мохнатыми нависшими бровями.— Нежная, что барашек молоденький. А какова на вкус будет!

И старуха вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

Но вдруг она закричала: «Ай!» — и подпрыгнула на месте. Её собственная дочка, которую она несла на спине, укусила её за ухо.

— Ах ты, дрянная девчонка! — закричала мать и выронила нож.

— Она будет играть со мной! — сказала маленькая разбойница.— Она отдаст мне свою муфту, свою шубку, своё хорошенькое платьице и будет спать со мной вместе.

Тут девочка укусила мать за другое ухо, да так больно, что та завертелась волчком.

Разбойники захохотали:

— Ишь как пляшет вокруг своей девчонки!..

А маленькая разбойница не унималась.

— Я хочу сесть в карету! — закричала она на весь лес.

Надо сказать правду: она была ужасно избалованна и упряма, эта девчонка, — настоящая маленькая разбойница!

И вот она уселась вместе с Гердой в карету, и они помчались через пни и кочки в самую чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но гораздо шире в плечах. Глаза у неё были совсем чёрные и какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — ответила Герда, и опять ей пришлось рассказать обо всём, что с ней было: как пропал Кай, как она отправилась искать его, как попала во дворец к принцессе и принцу.

Маленькая разбойница серьёзно выслушала её, слегка кивнула головой и сказала:



— Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя,— я лучше сама тебя убью.

И она отёрла слёзы на щеках у Герды, а потом спрятала руки в её хорошенькую, мягкую и тёплую муфточку.

Наконец карета остановилась: они въехали во двор разбойничьего за́мка. Стены старого замка были изрезаны глубо́кими трещинами, из которых целыми стаями вылетали вороны.

Откуда-то выскочили бульдоги, такие огромные, что каждый мог без труда проглотить человека. Они прыгали вокруг да около, но лаять не лаяли — это было строго запрещено.

Посреди высокой просторной залы с обшарпанными и закопчёнными стенами прямо на каменном полу пылал огонь. Дым подымался к потолку, а дальше должен был сам искать себе выход. Над огнём кипел в громадном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной, вот тут, возле моего зверинца,— сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Над самой их головой дремали на жёрдочках голуби — их было, наверно, больше сотни.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница и, схватив одного голубя за лапки, тряхнула его изо всей силы. Голубь отчаянно забил крыльями, пытаясь вырваться.— Что, испугался? — засмеялась маленькая разбойница.— На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя прямо в лицо Герде.— А вот здесь сидят лесные бродяжки,—сказала она, показывая на двух голубей, которые сидели за деревянной решёткой в небольшом углублении, сделанном в стене.— Их надо держать взаперти, не то они живо улетят. Так в лес и смотрят! А вот и мой милый ручной оленёнок.—И девочка потянула за рога привязанного к стене большого северного оленя в блестящем медном ошейнике.—Его тоже надо держать на привязи, иначе удерёт. Каждый вечер я щекочу его своим острым ножом — он до смерти боится этого.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное задрожало каждой жилкой, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты и во сне не расстаёшься с ножом? — спросила Герда, покосившись на острый нож.

— А то как же! — ответила маленькая разбойница.— Кто знает, что может случиться. Но расскажи мне ещё раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда опять рассказала всё с самого начала.

Когда она кончила, все голуби уже спали. Только два лесных голубя ещё тихо ворковали в клетке. Маленькая разбойница обвила одной рукой шею Герды — в другой руке у неё был нож — и захрапела. А Герда не

могла сомкнуть глаз. Да и как заснуть, когда не знаешь, убьют тебя или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха разбойница точила ножи. Бедной девочке даже глядеть на это было страшно.

И вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его саночки, а он сам сидел в санях Снежной королевы. Они пролетали над лесом, когда мы были ещё голыми птенчиками и лежали в гнезде вместе со своими братьями и сёстрами. Снежная королева дохнула на наше гнездо, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда.— Куда же полетела Снежная королева? Ах, скажите, вы, наверно, знаете...

— Должно быть, в Лапландию. Куда же ещё? Там вечная зима — снег, лёд, стужа... Вот спроси сама у северного оленя, он тебе скажет.

— Да, правда, там вечный снег и лёд. Ах, как там хорошо! — грустно сказал северный олень.— Там носятся по сверкающим ледяным равнинам мои вольные братья. Там раскинут летний шатёр Снежной королевы, а зимний её дворец — где-то у самого Северного полюса, на острове Шпицберген.

— Кай, мой бедный Кай! — воскликнула Герда.

— Лежи смирно! — прикрикнула на неё маленькая разбойница.— Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей всё, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьёзно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть. Отправляйся за своим Каем. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — ответил олень, и глаза у него заблестели.— Там я родился и вырос, там я бегал на воле по снежным равнинам...

— Так слушай! — сказала Герде маленькая разбойница.— Видишь, все наши ушли. Дома одна мать. Немного погодя она хлебнёт из большой бутылки и заснёт, тогда я кое-что сделаю для тебя.

Тут маленькая разбойница подбежала к старухе матери, обняла её и, дёрнув за бороду, сказала:

— Здравствуй, мой милый козлик!

— Ах ты моя маленькая разбойница! — ласково ответила старуха и так щёлкнула дочку по носу, что нос у неё сразу покраснел.

— Сама ты разбойница! — ответила дочка и подала матери большую бутылку.

Старуха хлебнула из бутылки раз-другой и захрапела. А маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Я бы ни за что не рассталась с тобой. Уж очень смешно ты мотаешь головой и брыкаешься, когда я щекочу тебя острым ножом. Ну, да так

и быть! Я отпускаю тебя на вольную волю. Можешь убираться в свою Лапландию. Но сначала ты отвезёшь во дворец Снежной королевы вот эту девочку — там живёт её названый братец. Ты ведь, конечно, слышал её рассказ. Она говорила довольно громко, а у тебя всегда ушки на макушке.

Олень так и подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница положила к нему на спину мягкую подушечку, а на подушечку посадила Герду и крепко привязала её, чтобы она не свалилась в пути.

— Так и быть, Герда, возьми назад свои меховые сапожки — на Северном полюсе, говорят, довольно холодно. А муфту я оставлю себе, очень уж она хороша. Но мёрзнуть ты всё-таки не будешь. Я дам тебе матушкины рукавицы. Они такие огромные, что будут тебе до локтей. Ну-ка сунь в них руки. Очень хорошо! Теперь ты до локтей похожа на мою матушку-разбойницу!

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут,— сказала маленькая разбойница.— Ты должна теперь смеяться, а не плакать. Вот тебе ещё два хлебца и окорок на дорогу. Небось не проголодаешься.



Привязав мешок с едой северному оленю на спину, разбойница отворила ворота, заманила собак в дом, а потом перерезала острым ножом верёвку, которой был привязан северный олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да смотри береги девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и поблагодарила её от всего сердца. Едва успела она попрощаться с маленькой разбойницей, как северный олень пустился во всю прыть. Он скакал через пни и колоды. Леса, равнины, болота так и мелькали перед глазами у Герды. Волки провожали её воем, вороны каркали ей вслед... Вдруг на небе что-то затрещало и столбы огня взвились над землёй.

— Вот моё родное северное сияние! — сказал олень.— Гляди, как полыхает!

И он побежал дальше, бежал не останавливаясь ни днём, ни ночью — всё вперёд и вперёд.

Хлеб был съеден до крошки, окорок — до последнего кусочка, и вот они уже в Лапландии.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

Лапландка и финка

Олень остановился у маленькой, вросшей в землю избушки. Крыша её опускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что в неё можно было войти только на четвереньках. В избушке не было никого, кроме старухи лапландки. Она варила рыбу при тусклом свете жирового светильника. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды. Правда, сперва он рассказал свою собственную историю — она казалась ему гораздо важнее и трогательнее. Герда же так замёрзла, что долго не могла говорить.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка.— Далёкий ещё предстоит вам путь. Сто миль с лишком придётся вам пройти, пока вы доберётесь, до Финляндии,— Снежная королева живёт там в своём дворце и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу несколько слов на сушёной треске — бумаги у меня нет,— а вы отнесёте моё письмо финке, которая живёт в тех местах и лучше моего научит вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала что-то на сушёной треске и велела Герде хорошенько беречь рыбу. Потом она привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался по снежным полям и горам.

В небе опять потрескивал голубой огонь, и целые столбы пламени взлетали над землёй.



Так добежал северный олень с Гердой до Финляндии и постучался в дымовую трубу домика, где жила старая финка,— дверей там и вовсе не было.

Ну и жара стояла у неё в доме! Финка, старая низенькая женщина, прежде всего стащила с Герды шубку, рукавицы и сапоги, чтобы девочке было не так жарко. Потом она положила северному оленю на голову кусок льда и только тогда принялась читать письмо, нацарапанное на сушёной треске. Она прочла всё от головы до хвоста три раза, пока не выучила наизусть, а потом сунула треску в суповой котёл,— не пропадать же рыбе!

Тут северный олень снова принялся рассказывать, сначала — подробно — рассказал всю свою историю, а потом — вкратце — историю Герды.

Финка слушала его молча и только иногда покачивала головой.

— Ты такая мудрая женщина! — воскликнул северный олень, окончив свой рассказ.— Я знаю, ты можешь связать одной ниткой все четыре ветра. Не приготовишь ли ты для девочки питьё, которое даст ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву.

— Силу двенадцати богатырей? — сказала финка.— Да, нечего сказать, много от этого будет толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: он весь был испещрён какими-то непонятными письменами.

Финка уселась и принялась читать. Она читала до тех пор, пока пот градом не покатился с её лба.

Наконец она свернула свиток, переменила лёд на голове северного оленя и сказала:

— Кай на самом деле у Снежной королевы. Но ему там очень нравится, и он думает, что нигде не может быть лучше. И всё это потому, что в глаз и в сердце ему попали осколки кривого зеркала. Если они там останутся, он никогда не освободится от власти Снежной королевы.

— Вот потому-то я и прошу тебя сделать Герду сильнее Снежной королевы,— сказал северный олень.

— Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать,— ответила финка.— Разве ты сам не видишь, как велика её сила? Не видишь, что ей служат и люди и звери? Ведь она босая обошла полсвета. Нет такой силы, которая заставила бы её отступить от задуманного дела. Уж если она не сможет проникнуть во дворец Снежной королевы и вынуть из сердца Кая осколок зеркала, так этого никто не сделает! Всё, чем я могу помочь ей,— это показать дорогу. В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, опусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на спину северного оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ах, мои тёплые сапожки! Мои рукавицы! — закричала Герда.

Но олень не слышал её. Он мчался, как вихрь, и остановился только тогда, когда увидел в снегу куст, усыпанный красными ягодами. Тут он опустил девочку на землю, поцеловал её, и на глазах у него заблестели крупные прозрачные слёзы. Потом он повернулся и стрелой пустился назад.

Бедная девочка осталась одна-одинёшенька на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперёд что было мочи. А навстречу ей двинулись целые полчища снежных хлопьев. Это было очень странно, потому что небо было совсем чистое и на нём полыхало северное сияние. Нигде не видно было ни тучки. Откуда же мог падать снег? Но снег не падал,



он нёсся прямо по земле. Снежные хлопья надвигались на Герду и с каждой минутой становились всё больше и больше, точно те снежинки, которые она видела когда-то под увеличительным стеклом.

Это было войско Снежной королевы. Одни снежинки были похожи на больших белых ежей, другие — на взъерошенных медвежат, третьи — на серебряных многоголовых змей. И все они были живые!

Но Герда смело шла вперёд и вперёд,— ведь она во что бы то ни стало должна была найти и освободить Кая!

И вот наконец она добралась до чертогов Снежной королевы.

А что же в это время было с Каем?

Он и не думал о Герде и уж меньше всего догадывался о том, что она тут, рядом с ним.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

Что случилось в чертогах Снежной королевы и что случилось потом

Снежная королева жила среди вечных снегов и нетающих льдин. Метели возвели стены её чертогов, буйные ветры пробили в них окна и двери.

Громадные белоснежные залы тянулись одна за другой на сотни миль — просторные, высокие, до самого неба. Их освещало разноцветными огнями северное сияние. Вьюги разостлали здесь пушистые, блестевшие серебром ковры. Но холодно и пустынно было в этих белых, ослепительно сверкающих залах.

Никогда не заглядывало сюда веселье. Хоть бы один раз устроили здесь праздник для белых медведей, чтобы под музыку бури могли они показать, как ловко и грациозно умеют ходить на задних лапах. Хоть бы раз составилась здесь за ледяным столом партия в лото, где игроки горячо спорят, ссорятся, а иной раз даже и дерутся. Хоть бы когда-нибудь здесь сошлись на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички,— нет, никогда, ничего! Всегда одинаково холодно, мертво и пусто!

Посреди самой большой пустынной снежной залы было круглое замёрзшее озеро. Лёд, затянувший его, растрескался на тысячи кусков. И все тысячи кусков были совершенно одинаковой величины, каждый точь-в-точь как другой, даже трудно поверить этому.

А на самой середине замёрзшего озера стоял ледяной трон Снежной королевы. Когда ей не нужно было улетать по делам из дому, она всегда сидела на этом троне и гляделась в ледяное зеркало. Королева называла его «зеркалом разума» и уверяла, что это самое верное и чистое зеркало на свете.



Тут же, в этой пустынной зале, жил и названый брат Герды, Кай. От стужи он совсем побелел, хоть сам и не чувствовал холода. Да это и не удивительно — ведь у него вместо сердца был кусок льда. А такое сердце не чувствует ничего — ни радости, ни грусти, ни тепла, ни мороза. Кай ни о чём не жалел, никого не вспоминал. Целыми днями сидел он на ступеньках трона у ног Снежной королевы, перебирая плоские ровные льдинки и выкладывая из них окоченевшими руками различные фигуры.

Вы все, должно быть, знаете игру, которая называется «китайская головоломка»? Из деревянных дощечек надо складывать разные сложные узоры. Вот такой головоломкой был занят Кай, только вместо дощечек у него были льдинки, а игра называлась «игрой холодного разума».

Ему казалось, что на свете нет ничего важнее этого занятия, и всё потому, что вместо сердца у него был кусок льда, а видеть ему мешал маленький осколок кривого зеркала. Он складывал из льдин не только фигуры, но и разные слова. Только одно слово, которое ему особенно хотелось сложить, у него не выходило — слово «вечность».

А между тем Снежная королева не раз говорила ему: «Если ты сложишь это слово, я отпущу тебя на волю и подарю тебе весь свет и пару новых коньков в придачу».

В сотый раз складывал Кай из льдинок восемь упрямых букв, но буквы, словно нарочно, рассыпались или укладывались не в том порядке, как надо. Снежная королева только качала головой.

— Нет, опять не так! — сказала она с усмешкой, когда он в сто первый раз показал ей свою работу.— Ну что ж, подумай, подумай хорошенько. А пока ты думаешь, я полечу в тёплые края, загляну в чёрные котлы,— котлами она называла кратеры огнедышащих гор Этны и Везувия,— хорошо бы их немного побелить!

И она улетела, а Кай остался один в огромной снежной зале, он смотрел на льдины и всё думал, думал, так, что голова у него трещала. Он сидел не шевелясь, бледный, как снег, прозрачный, как лёд, неподвижный, как мертвец. Можно было подумать, что он замёрз.

В это самое время в огромные ворота ветров вошла Герда. Ветры так удивились, что свернули крылья и притихли, и Герда свободно вошла в ледяную залу. Она сразу увидела Кая, бросилась к нему на шею и крепко обняла его.

— Кай! Милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он словно не видел и не слышал её. Он сидел такой же неподвижный и холодный, как прежде. Тогда Герда заплакала. Её горячие слёзы упали ему на грудь, проникли в самое сердце, и ледяное сердце Кая оттаяло.

Он взглянул на Герду и тоже заплакал. Слёзы потоками полились у него из глаз и унесли с собой осколок кривого зеркала. Тут только Кай узнал Герду и улыбнулся ей.

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — Он с удивлением огляделся по сторонам.— Как здесь холодно, как пустынно!

И Кай крепко обнял Герду. А Герда смеялась и плакала от радости, и, глядя на неё, радовалось всё вокруг. Даже льдинки в озере пустились в пляс, а когда они устали и улеглись, из них составилось то самое слово, которое Снежная королева велела сложить Каю. Теперь Кай был свободен и, если бы захотел, мог бы получить в подарок весь свет и пару новых коньков в придачу. Пусть Снежная королева возвращается,— у неё уже нет над ним власти! Его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами!

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять покрылись румянцем, поцеловала его в глаза, и они заблестели; она коснулась его рук и ног, и Кай снова стал бодрым и здоровым.

Кай и Герда взялись за руки и вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о родном доме, о розах, что цвели у них под окнами, обо всём, что с ними было. И, заслушавшись их, стихали холодные ветры и выглядывало из-за туч солнце. Когда же они дошли до куста



с красными ягодами, Герда увидела, что её уже поджидает старый друг — северный олень.

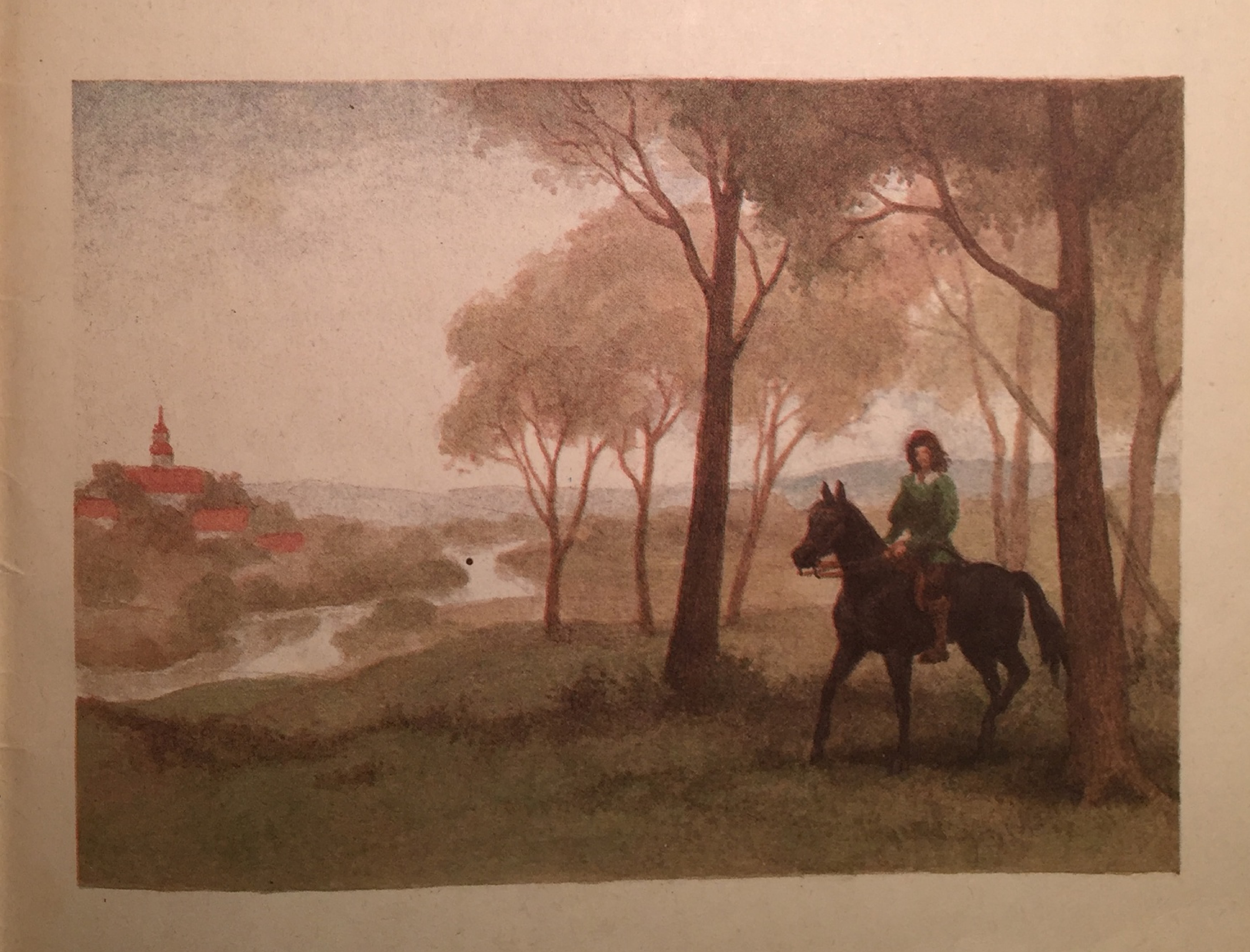
Не успели Кай и Герда оглянуться, как он домчал их до жилья старой финки.

Они обогрелись у неё и отправились дальше — к лапландке. Лапландка сшила им тёплую одежду из пушистых шкур, дала свою собачью упряжку и даже сама поехала провожать их.

Северный олень тоже провожал Кая и Герду. Так все вместе добрались они до южной границы Лапландии. Тут уже пробивалась первая травка, и на санях ехать было нельзя.

Кай и Герда простились с лапландкой и с северным оленем и пошли дальше одни.

Вот перед ними и лес. На деревьях уже набухли зелёные почки, на ветках распевали весенние птицы. Из лесу, навстречу Каю и Герде, выехала верхом на белом коне молоденькая девушка в ярко-красной шапочке, с пистолетами за поясом. Герда сразу узнала коня — он был когда-то впряжён в золотую карету,— узнала и девушку. Это была маленькая разбойница.



За это время она немного подросла и решила посмотреть белый свет. Не сидеть же весь век дома, в глухом лесу!

Маленькая разбойница тоже сразу узнала Герду. Вот была радость!

— Эх ты, бродяга! — сказала она Каю.— Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света.

Герда спросила её о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края! — ответила маленькая разбойница.

— А ворон с вороной? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер. Ручная ворона осталась вдовой, она оделась в траур, ходит с чёрной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но всё это пустяки. Лучше ты расскажи, что с тобой было и как ты нашла своего братца.

Герда и Кай рассказали ей обо всех своих приключениях.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала маленькая разбойница.

Она пожала им руки и обещала навестить их, если ей случится когда-нибудь побывать у них в городе. На том они и простились. Молодая разбойница отправилась своей дорогой. Кай и Герда — своей.

Они шли, и под ногами у них расцветали цветы, зеленела трава. Издали до них донёсся колокольный звон, и они узнали голос старого колокола, который будил их по утрам, и увидели башню своего родного города.


Скоро они поднялись по знакомой лестнице, отворили дверь в комнату, где всё было по-прежнему: так же тикали часы, так же двигались по кругу часовые стрелки. Но дверь показалась им почему-то низенькой, и, переступив порог, они поняли, что стали взрослыми людьми.

Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытые окна. На дворе стояло тёплое благодатное лето!





30 коп.



Пересказали с датского

Т. Габбе

и А. Любарская

Для младшего возраста

Ханс Кристиан Андерсен

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Сказка

ИБ № 8718

Ответственный редактор *Л. П. Серебрякова.* Художественный редактор *В. А. Горячева.* Технический редактор *Е. М. Захарова.* Корректор *Л. И. Дмитрюк.* Сдано в набор 16.09.85. Подписано к печати 10.12.85. Формат 60×90 1/8. Бум. офсет. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсет. Усл. печ. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 22. Уч.-изд. л. 3,91. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1879. Цена 30 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Х.-К. Андерсен.

A65 Снежная королева: Сказка/Пересказ с дат. Т. Габбе и А. Любарской; Рис. А. Архиповой.— М.: Дет. лит., 1986.—40 с., ил.

30 коп.

Главная мысль сказки — любовь и человеческая доброта сильнее любой злой силы.

$A\ \frac{4803020000-055}{M101(03)86}\ 485-86$

И(Дат)